

РЕЛИГИЯ, ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВОДСТВА УДОВОЛЬСТВИЯ

А.И. СОСЛАНД

Сосланд Александр Иосифович — доцент Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник Института «Русская антропологическая школа» при Российском государственном гуманитарном университете, кандидат психологических наук.

Автор книги «Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии» (М, 1999).

Контакты: asosland@mtu-net.ru

Резюме

В статье предлагается новый взгляд на рецепцию религиозного дискурса. Он рассматривается с точки зрения «новой гедонистической логики», разрабатываемой автором в рамках его проекта «аттрактив-анализ». Обсуждаются ключевые концепты его подхода, такие как «гедонистически-трансгрессивный нарратив» и «цис-транс». В свете этих концептов разбираются отдельные нарративные ситуации, где отчетливо прослеживается связь религиозного и гедонистического.

Предлагаю вниманию читателя анализ отдельных аспектов религиозного дискурса с точки зрения разрабатываемого мной подхода, — аттрактив-анализа. Его положения изложены в ряде публикаций (Сосланд, 2005а, 2005б, 2005в, 2005г).

Вряд ли мы найдем другую такую область в культурном пространстве, которая рекламировала бы себя так интенсивно, как религия. Эта само-реклама носит предельно радикальный характер. Вопросы веры и благочестия увязываются с выживанием,

благом, всем, что относится к классу фундаментальных потребностей и ценностей.

Если, к примеру, рекламируемая косметика может сулить красоту и молодость, рекламируемая еда — вкус и пользу, то посулы веры с огромным превосходством перекрывают все, что может нам дать любая сфера вне религии. Нет более значимой награды, чем награда за веру и благочестие.

Перефразируя известное изречение, скажем, что *основной вопрос вся-*

кой религии есть вопрос о власти. Важнейший мотив писания ли, апокрифов ли в любой конфессии — самораспространение, экспансия. Основатель веры, пророк, его ученики, апостолы постоянно предпринимают движения в пространстве с тем, чтобы расширить пространство своего влияния. Они совершают при этом подвиги, претерпевают мучения и гонения. В любом случае, однако, эта деятельность имеет успешный характер и экспансия расширяется. Всякого рода проповедничество, миссионерство, прозелитизм, словом, разного рода практики обращения неизбежно встроены в религиозное.

Нет сомнений, что существенная часть любого конфессионального дискурса отстроена и отредактирована под эти экспансионистские задачи. Внутри корпуса текстов любой конфессии — множество манков, локусов привлекательности и т. д. Исследовать этот контекст с исчерпывающей полнотой — проект, сравнимый по объему с исследованием конфессии в ее целостности. Поэтому мы ограничимся отдельными локусами анализа стратегий привлекательности религиозного дискурса. Но вначале коротко обсудим некоторые аспекты аттрактивистики.

Новая гедонистическая логика

Начнем издалека. Спросим себя, чем так привлекателен для культуры и науки оказался психоанализ? Помимо всего прочего, психоанализ развернул перед нами законченную и детальную гедонистически ориентированную аналитику. Гедонистическое выступает как некий предел аналитической стратегии. Довести

анализ до гедонистической мотивации — выйти на последний предел. Именно с этим обстоятельством связано впечатление богатства и убедительности объяснительной модели, сформированной в ходе становления психоанализа.

Аттрактив-анализ ставит перед собой задачу формирования новой аналитической стратегии, ориентированной на иные по сравнению с психоанализом реалии. Как известно, психоанализ замыкал свою гедонистическую логику на межличностных отношениях, опосредованных сексуальностью в самом широком смысле этого слова. *Аттрактив-анализ ориентирован не на персонифицированный объект желания, но на некоторые состояния, на то, что традиционно называют «измененные состояния сознания», иначе говоря, транссы.* По нашему замыслу, речь здесь должна идти не только о четко очерченных состояниях, связанных с применением определенных психотехник или психоактивных веществ. Не менее важными для нас окажутся «слабые» варианты трансовых состояний. Они наступают порой без целенаправленного применения специальных средств, часто не замечаются теми, кто их испытывает, а главное, производятся в больших количествах разнообразными культурными практиками, включая религиозные.

Гедонистически-трансгредийный нарратив (ГТН)

Отличие аттрактив-анализа от психоаналитического подхода не ограничивается ключевой мотивационной концепцией. Оно заключается в том, что психоанализ ориентирован

преимущественно на интерперсональные отношения, в то время как мы — на то, что называют измененными состояниями сознания (ИСС), точнее, на их культурный репрезентант. Он обозначается нами как *гедонистически-трансгрессионный нарратив* (ГТН) и представляет собой некое повествование, связанное как с ИСС, так и с иными состояниями, имеющими отношение к наслаждению, понимаемому нами достаточно широко, а именно как сложный и богатый социальный конструкт. Отчет о гедонистических переживаниях имеет свой язык, свои нарративные тенденции, свои коннотации.

Всякий раз это повествование будет противопоставлено некоей рациональной, регламентированной, лишенной эмоции жизни, каковая, собственно, и есть реальный оппонент ГТН. Важнейший, сущностный аспект гедонистического повествования заключается как раз в этом противопоставлении.

Особенность нашего подхода состоит в том, что, по нашему мнению, ГТН есть нечто такое, что подлежит разысканию в текстах, вовсе не ориентированных непосредственно на производство гедонистического, — философских, психологических, гуманитарных в широком смысле. Мы исходим из соображения, что эти тексты содержат некие следы состояний наслаждения, которые вполне возможно отследить и выявить.

Во сне, как известно, к нам приходят сновидения. Психоактивные вещества также провоцируют видения, голоса и мн. др. в этом роде. Душевнобольные в патологически измененных состояниях (бред, онейроид, галлюциноз) слышат голоса и стра-

шатся видений. Многие известные психопрактики (неважно, терапевтические или сакрально-мистические) ориентированы на то, чтобы вызвать у практикующих разные видения. Поэт и художник в состоянии вдохновения могут созерцать своих персонажей или даже беседовать с ними. Возможно сравнительное исследование этих *перцептивных наполнителей* в зависимости от вида ГТН, от «гедонизатора».

С уменьшением контроля и репрессии связаны также имеющие широкое хождение представления о высоком уровне креативности в трансе. И сновидение, и транс, и поэтическое вдохновение, согласно разным повествованиям в этом духе, — прямой путь к открытиям, прозрениям, откровениям.

Любое гедонистическое переживание интенсивно укоренено в телесности. Телесное обеспечение процесса наслаждения — неизбежный сюжет внутри ГТН. Этот сюжет отчетливо связан с европейской традицией репрессии телесного и подробно проработан во многих текстах, посвященных патопсихологии телесности, а особенно же — телесно-ориентированной психотерапии. Собственно, любой ГТН описывает дерепрессию телесности.

Другой телесно-ориентированный сюжет опирается на различие между первичными и вторичными психическими процессами, введенное З. Фрейдом в VII главе «Толкования сновидений» (Фрейд, 1991). Первичный процесс, как мы знаем, оперирует предметными представлениями, имеет континуальный характер протекания, характеризуется вневременностью. Вторичный процесс основан

на работе со словесными представлениями, дискретности временного потока, связан с абстрактно-логическим мышлением.

Как уже было сказано, ГТН всегда противопоставлено некое обстоятельство. Растворяясь в наслаждениях, мы ни на миг не упускаем из виду того, в пику чему эти наслаждения себя преподносят. «Вопреки чему, против чего, кому назло наслаждаемся?!» — эти вопросы встроены в самую сердцевину наслаждения, и ответ на них может прояснить очень многое в сущности ГТН.

Обратим внимание на два аспекта. Первый контрамодус есть обыденно-трудовое пространство существования, производящее нарративы принципа реальности (НПР), сформированные обстоятельствами долга, обязанностей, регламента, отчетности, контроля. Гедонистическое формируется как оппозиция ко всему этому посредством обесценивания НПР. Эти нарративы снабжаются характеристиками вроде «скучное», «пресное».

Те пространства, где удовольствие не живет, с давних пор устремлены туда, где оно живет, что вполне естественно. На самом деле, гедонистическое легко заполнит любое место, где его нет, ему везде и всегда рады. А двигаться есть куда.

Заполнению могут подвергнуться пространства страдания и пространства скучного. И там, и там мы наблюдаем локусы гедонистического вакуума. Наделить оба типа территорий гедонистического — действие само собой разумеющееся, причем с обеих, так сказать, сторон: страдание и скука легко пойдут под покровительство наслаждения.

Аналогичный ход: непривлекательное становится привлекательным — мы видим в стратегии конструирования такой перверсии, как мазохизм. Известная сатира на лейбницианство — «Кандид» Вольтера сближает эти два феномена: оправдание зла и любовь к мукам. В культуре много подобных стратегий аттрактивизации отталкивающего.

Гуманитарная дискурсивная стратегия в качестве мишени девалоризации часто выбирает рациональность. Рациональное — связанное с НПР (см. выше), рефлексивное, дискретное противопоставляется в этих стратегиях любовному порыву, художническому вдохновению, сакральному экстазу, интуитивному прозрению, непосредственному контакту с «природным», всему, что так или иначе отмечено эмоциональной интенсивностью. Рациональное сопрягается с «филистерским», низким, банальным, повседневным, репрессивным.

Далеко не всегда ГТН является отчетом о «большом» трансе, протекающем при полном отключении от реальности «здесь и сейчас». Множество трансов протекает без такого радикального дистанцирования от реального. Именно через них осуществляется восприятие текстов как части гедонистической тотальности, именно они являются ключевым звеном в стратегии аттрактивистики.

Цис-транс

Мы полагаем, что следует различать две основные разновидности трансa. Первая — результат интенсивных усилий, связанных с психопрактиками или приемом психоактивных

веществ. Она приводит к полному (или весьма сильному) выпадению человека из пространства актуального восприятия действительности. В большом трансе, находясь во власти образов и сюжетов трансовых видений, он не реагирует на внешние стимулы, на изменения окружающей обстановки.

В основе этого понятия лежит своего рода игра слов. Цис, как известно, указывает на нечто, находящееся по эту сторону, т. е. в пределах некоей очерченной границы, транс, соответственно, — по ту сторону. Словом «транс» традиционно обозначают еще и так называемое измененное состояние сознания. Цис-транс, таким образом, — транс (ГТН в нашей терминологии), проходящий без полной потери контакта с реальностью. Мы остаемся в мире и в то же время неким образом выходим за его пределы.

Цис-трансы — это важнейший элемент и повседневной жизни, и культурной реальности. Цис-трансы обеспечивают восприятие творений искусства и эмоциональный межличностный контакт.

Их концептуальное значение в первую очередь состоит в том, что они позволяют нам простроить существенную часть культурной репрезентации опыта ГТН. Если большие экстатические состояния — часть архаической, традиционной культуры, то цис-трансы в большей степени задействованы в современной. Цис-транс относится к большому ГТН примерно так же, как сигарета к дозе тяжелого наркотика — героина, например.

Если перечислять те состояния, которые мы определяем как цис-трансы, то среди них, к примеру, окажутся такие состояния, как: вдохновение, воодушевление, упоение, истома, томление, восторг, теплота, восхищение, умиление, ностальгия, экзальтация, трепет. Неплохо уже то, что эти состояния получили себе концептуальное убежище.

В отдельных случаях могут возникать трудности с дифференциацией между цис-трансами и большими ГТН. Понятно, что в этой сфере, которая в силу своей коренной рациофобической сущности противится всякому упорядочению, дифференциация есть дело непростое. Термином «экстаз» обозначают скорее большой транс, чем цис-транс, но в каждом случае все определяется конкретным описанием, из которого становится понятным, до какой степени отрешен автор отчета от так называемой реальности.

Очень важна их дифференциация от того, что мы называем просто эмоциями¹.

Цис-трансы обеспечиваются различными факторами, которые в научном обиходе проходят по разряду «свойств личности». Эти феномены мы рассматриваем как повествования, с точки зрения нарративного подхода. Все, что мы можем знать о таких состояниях, почерпнуто из рассказов тех, кто пережил все это. Эссенциалистский подход, имеющий давнюю традицию в исследованиях измененных состояний сознания (Тарт, 2003; Дейкман, 2007), здесь не

¹Это очень важный теоретический момент — различие между цис-трансами и эмоциями. Несомненно, здесь есть много пересекающихся аспектов, но это предстоит исследовать специально.

вполне адекватен. Понятие цис-транс дает концептуальное убежище таким эмоциональным состояниям, как сентиментальность, душевность, проникновенность, сердечность, духовность, задушевность, добродушие, великодушные, мечтательность, и мн. др.

Особенно интересны те ситуации, когда гедонистический контекст интенсивно вытесняется из нарратива некоей ситуации или духовной практики. Ситуация сакрального служения, аскезы, «жертвы» обнаруживает исключительно интенсивный гедонистический потенциал. В первую очередь речь идет об аскетических практиках, прочно увязанных с трансовыми вне зависимости от конкретной конфессии. Религиозное не столько жертвует наслаждением ради сакрального, сколько создает собственный полноценный гедонистический контекст. Оно вытесняет сексуальное ради иных удовольствий, вводя их в пространство аскетического. Аскетическое превращается в гедонистическое благодаря трансу.

Иван Ильин — предтеча аттрактивистики

Помимо других всем известных заслуг перед русской философией, И.А. Ильин с полным правом может считаться одним из важных предтеч нашего проекта — аттрактив-анализа. Как бы предвидя в грядущем наши интеллектуальные поиски, он в своей критике учения Л.Н. Толстого основательно разобрал связь нравственного и гедонистического. Вот что он пишет:

«"Любовь", воспеваемая его учением, есть, по существу своему, чувство жалостливого сострадания, ко-

торое может относиться к какому-нибудь одному определенному существу, но может захватывать душу и безотносительно, погружая ее в состояние беспредметной умиленности и размягченности... Так, прежде всего это чувство само по себе дает душе такое наслаждение, о полноте и возможной остроте которого знают только те, кто его пережил» (Ильин, 2005, с. 122–123).

Итак, введя в оборот новый интересный концепт «жалостливое сострадание», И.А. Ильин немедленно придает ему гедонистический статус, рассматривает его как источник наслаждения исключительно большой интенсивности. Это чувство благодаря своей особой гедонистической ценности претендует на центральное место в экзистенциальном пространстве. Ориентируясь на очевидную острую парадоксальность монтажа наслаждения и этики, И.А. Ильин энергично пытается обесценить толстовство.

«Испытывать его есть благо совсем не в том только смысле, что оно морально ценно и что его следует испытывать, но и в том смысле, что оно само по себе дает душе величайшее удовлетворение, услаждая ее и насыщая ее этою сладостью. В этом состоянии душа переживает себя блаженно-единою, целостно охваченною и растворенною; в ней все как бы течет и струится, звучит и светится, поет и сияет; она обретает в себе самой источник ни в чем другом не нуждающегося счастья, и притом такой источник, которого не может отнять у нее чужой произвол и по сравнению с которым другие источники кажутся скудными, слабыми и ненадежными» (там же).

Ни больше ни меньше — описание наркотического транса, не правда ли? Разоблачительный пафос И.А. Ильина в том, что он указывает на очевидное расхождение между целью, заявленной в идеологическом проекте Л.Н. Толстого, и действительным положением дел. Если Л.Н. Толстой ведет речь о нравственном совершенствовании, то И.А. Ильин выявляет присутствие интенсивного наслаждения.

Та вера лучше, что слаще

Все государства в своей истории так или иначе осуществляют свой конфессиональный выбор. Чем бывает мотивирован выбор конфессии, можно проследить по знаменитой истории принятия христианства на Руси, во всяком случае в описании «Повести временных лет».

Вот этот отрывок:

«Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: "Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними", — и обратился к послам: "Говорите перед дружиною". Они же сказали: "Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой"» (Повесть временных лет, с. 186).

Как мы видим, посланцы отслеживают в первую очередь свойства службы, пытаясь оценить ее эстетическую привлекательность. Там, где клир хорошо позаботился о привле-

кательности обряда для своей паствы, там послы князя не в силах противостоять соблазну. Обращает на себя внимание поиск именно «веселья» и «красоты» в противовес «печали и смраду».

«И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать» (там же).

Из текста ясно, что выбор веры осуществился преимущественно по эстетически-гедонистическим соображениям. Послы, сравнивая православное богослужение с иными, указывают, что «нет на земле такого зрелища и красоты такой», нисколько не рассуждая о влиянии той или иной религии на нравы и не затрагивая принципиальные вопросы богословия. Удовольствие от исполнения ритуала, судя по всему, оказывается единственным и решающим доводом в пользу православия. «Блаженство» и «благолепие» с большим перевесом побеждают «благочестие».

Разумеется, мы здесь имеем дело с легендой, которая не может претендовать на серьезную достоверность. Но здесь важен не реальный ход событий, а логика обоснования выбора.

Радости аскезы

Аскетическое стоит где-то близко к «подвижническому», почти «муче-

ническому». Тем не менее аскетическое включает в себя специфические факторы, связанные очевидным образом.

Отказ от мирского интереса — уничтожение НПР. Отказ от выгоды, от вознаграждения является, безусловно, пропуском в гедонистическое пространство, но с другого входа, чем тот, который открывается богатством, сытостью, сексуальным. Иная гедонистическая логика открывается через воздержание, голод, бедность. Сытость, богатство, сексуальное отрезают нам путь к духовным практикам, к самым интенсивным способам достижения транс. В пространстве религии эти практики еще и сакрально переоцениваются не просто как транс, а как способ соединения с божественным.

Богатство как характеристика текста

Символическое богатство в проекте «аттрактив-анализ» рассматривается в рамках малого проекта «опулент-анализ» (Сосланд, 2005а). Речь идет о богатстве текста в рамках некоей арифметической метафоры (разумеется, о «реальном» исчислении таких богатств речи быть не может).

Экстенсивная часть опулент-анализа ориентирована на «оперирование крупными текстовыми массивами». Речь идет о тенденциях современной гуманитарной литературы обращаться к таким реалиям, как культура, миф, семиосфера, метанарратив, идеология и т. д. В свою очередь, интенсивная часть опулент-анализа ориентирована на аспекты внутреннего богатства текста, такие, как информационная ем-

кость, метафоры, дуальные структуры.

Религиозное, являясь первоначальной формой любого культурного феномена и любой культурной практики за многовековую историю, присвоило себе такой объем символического материала, как никакая другая культурная сфера. Мы находим здесь истоки любой культурной практики.

Богаче Бога нет ничего

В концепт «Бог» встроено так много смыслов крупного масштаба, такое количество метафор, что вряд ли что-нибудь еще идет с ним в сравнение по части символического богатства. Монотеистический Бог — это исключительная многофункциональность, он может сделать все. Он может помочь в любом ремесле и любом виде военного дела. К его помощи прибегают в финансовых вопросах и в азартных играх. Он влияет на продолжение рода и на состояние погоды. Всеохватная осведомленность (паноптизм) и тотальная всевластность. Для него невозможного нет.

Он предоставляет изобилие психологических защит, формирует центр, к которому привязано множество ритуалов.

Он является бесконечно большим резервуаром для всех возможных проекций. Взаимоисключающие противоположности мирно уживаются внутри божественной ипостаси, создавая возможность для еще большего роста его символического богатства.

История веры в Бога есть история постоянного наполнения, насыщения концепта «Бог» аффектами, смыслами, сюжетами, содержаниями

большого стиля. Речь идет о «последних вещах», о смерти и бессмертии, о решающих шагах на жизненном пути. Божественное не касается суетного и второстепенного, речь всегда идет о крупномасштабных, предельных экзистенциальных данностях.

Если окинуть внутренним взором весь религиозный дискурс в целом, то перед нами возникнет картина исключительного символического богатства. Нет такой жизненной сферы, нет таких аспектов нашего мира, которые основательно не были бы проработаны в религиозном контексте. Нет такой гуманитарной теории или практики (включая используемый здесь аттрактив-анализ), которая не проистекала бы из текстов и практик, имеющих статус священных. И нет тому примера в любых иных культурных практиках, чтобы их концептуальный горизонт был так же широк, как религиозный.

Кроме того, сакральное порождает множество незаурядных сложных эмоциональных контекстов.

Религия как она есть

Мы полагаем, что анализ сущности религиозного может много выиграть, если мы обратимся к аттрактивистике. Если с этой точки зрения дать емкое (но, конечно, далеко не

единственно возможное) определение религиозному дискурсу, то лучше всего здесь будет смотреться что-нибудь вроде «Большой агрегат по производству трансовых состояний». Религии традиционно приписывается целый ряд различных функций: служение божеству как таковое; функция легитимации нравственного; психотерапевтическая функция и пр. Так вот, помимо всего этого, следует, конечно, рассматривать этот огромный массив культурных практик с гедонистически-трансовой точки зрения. Многочисленные способы формирования трансов (точнее, как мы это называем, цис-трансов) — молитвы, медитации, аскетические экзерсисы, обряды, службы и пр. — сопровождаются системой табу и предписаний, созданных для укрепления сакральной репутации трансов. Ритуально-сакральное и аффективно-экстатическое как бы подпирают друг друга, формируя некий ритуально-трансовый круг.

Совершенно ясно, что перечисленными аспектами проблемы аттрактивности религиозного не исчерпываются. Многовековое накачивание религиозного пространства эмоциями и трансовыми состояниями создало множество локусов привлекательности. Их исследование, полагаем мы, также является задачей исключительно привлекательной для ученого.

Литература

- Дейкман А.Д.* Наблюдающее Я. М.: Эннеагон пресс, 2007.
- Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. М.: Дарь, 2005.
- Сосланд А.И.* Психотерапия и аттрактив-анализ // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005а. № 7 (51). С. 36–42.
- Сосланд А.И.* Счастье от безумия // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 3. М.: РГГУ, 2005б. С. 121–135.
- Сосланд А.И.* Введение в аттрактивистику // Мир психологии. 2005в. № 3 (43). С. 233–247.
- Сосланд А.И.* Любовь к смыслу // Проблема смысла в науках о человеке (К столетию Виктора Франкла). Материалы международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М.: Смысл, 2005 г. С. 94–99.
- Сосланд А.И.* Аттрактив-анализ и психоанализ // Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике (К 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда). Материалы Международной психоаналитической конференции 16–17 декабря 2006 г. Москва / Под ред. А.Н. Харитоновой, П.С. Гуревича, А. В. Литвинова. В 2 т. М.: Русское психоаналитическое общество, 2006. Т. 2. С. 445–454.
- Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
- Фрейд З.* Толкование сновидений. Ереван: Камар, 1991. С. 420–438.